

Как же так?

На послевоенном, пожелтевшем от времени снимке у Кати в альбоме - обычная деревянная лавочка, пригравшиеся за тыном на солнышке мужики и две присевшие с ними рядом женщины. Привычная, знакомая с детства картинка обычных деревенских посиделок.

- Это бабушка? - тычет пальцем в фотографию моя дочь.

- Бабушка, - киваю я. - Мама моей бабушки. А тебе уже прапра-бабушка.

- А это кто?

- Соседи, наверное... Кто это? - спрашиваю я в свою очередь у тётки Кати.

Спокойно, словно речь идёт о чём-то обыденном, Катя спокойно и ровно перечисляет:

- Это - дед Кон возле бабушки согнулся, это - Кирюха с костылём и жена его Поля, в чёрной кепке по центру - Иван Курухан, а это - Егор Сергеев, кинемехаником у нас был.

Но я уже почти не слышу её. Я отказываюсь верить услышанному.

- Неужели те самые?!..

- Те, - спокойно подтверждает мне Катя.

- Как же так?.. Как же могут сидеть рядом и мирно разговаривать эти люди? Как же они вообще могут сидеть рядом?

В памяти всплывают знакомые с детства рассказы.

Кирюху забрали на войну практически сразу, он ушёл, так же, как и мой дед, в первых рядах, вместе с ним под городом Конотопом попал в плен. Чудом вырвавшись из плена, сумел добраться домой, ткнулся с товарищем своим в село и оторопел: в родном селе, как и везде, хозяйничали немцы. Фронт отошёл к этому времени уже очень далеко, у измученных истощённых беглецов пробираться на фронт по оккупированной территории сил уже не было: «Пусть хоть расстреляют - всё одно помирать...»

Никого не расстреляли. Возможно, фашисты решили, что лишние работники им не помешают. Или же просто не видели для себя угрозы в двух худых, замученных мужиках, к тому же вряд ли сбежавшие из лагеря рассказывали тогда всему селу и уж тем более немцам о том, что произошло с ними на самом деле. Наверняка и бабы вымолили своих мужей у представителей новой власти. Ведь даже в том же Конотопском лагере для военнопленных случалось иногда, что немцы отпускали пленников «домой», когда женщины, многие из которых считали своим долгом любой ценой, даже с риском для собственной жизни, помочь военнопленным, находясь возле лагеря, вдруг «узнавали» в отдельном взятом пленнике брата, отца, мужа. А затем, доказывая охранникам, что это их родственник, выкупали пленного за продукты или одежду.

Когда же немцы отступали, Кирюху, живущего на его улице деда Василя и ещё нескольких, по разным причинам оставшихся в деревне мужиков, немцы угнали с собой. «И последних подобрали», - сокрушались деревенские бабы. До этого мало, конечно, но было всё же в деревне несколько мужиков. Не все ушли на фронт, как и не все подались в полицаи. Некоторые умудрялись вовремя прятаться в подвалах, на чердаках и «не ходить на войну», возможно, были и те, кого оставили в немецком тылу специально. Не ходил, например, на войну Дед Карпо, хромой, после того, как в него стреляли немцы, за то, что не остановился с мешком

украденной где-то пшеницы.

Судьба - интересная штука: дважды побывав в плену, Кирюха с товарищами снова бежал, попал к своим. После знаменитого Прохоровского сражения, когда шли бои за Томаровку, его с одним из товарищей, как местных, отправили в разведку. Лесом, через поле, вброд по реке, мокрые по грудь, прокрались они к родным хатам, а там в каждой - немцев полный двор. Но, рискуя, Кирюха всё же решил оставить своей бабе приметку, что живой и дома был: придумал привязать к щеколде двери на крыльце платок, что жена Поля ему когда-то на фронт вышивала. Поля, как увидела потом платок, так и обмерла, прибежала к соседке, от волнения ничего сообразить не может: «Как так, - говорит, - я Кире платок на фронт вышивала, а он на щеколде висит?..»

С войны Киря пришёл ещё не скоро, был тяжёло ранен, но выжил. В колхоз, как и до войны, не вступал, долгое время был одиночкой, продолжал, как и в мирное время, самостоятельно обрабатывать свой участок перед Калининым - часто просил мою бабушку Гарпешу отпустить свою дочь Нюсю ему помочь. На костылях-то один много не работаешь: нога у него после ранения совсем усохла, но потом всё же вступил в колхоз. Отбивал всем косы и тяпки, хорошо отбивал - жалел руки женские. А Поля сучила свясла на яровые: просо, ячмень, жито, осоки воз привезут ей, под двором скинут, она и вяжет...

Обычная в принципе история обычного тогда человека. Может быть, не совсем принявшего душою советские порядки и коллективизацию, но в военное время защищавшего свою большую и малую Родину, наравне со всеми...

Об Иване Курухане же бабушка рассказывать не любила, а если и делала это, то всегда скупой и с затаённой болью, даже стыдилась вроде бы, что среди её односельчан были такие люди. Ведь был Иван в годы войны немецким прихвостнем: с живых валенки стаскивал, лишь бы угодить фашистам. Что и рассказывать о таких! Горько, наверное, было Гарпеше, что жила вот так всю жизнь рядом и не ведала, с какой сволочью по одним улицам ходит. И тем более горько, что не один он такой в селе оказался. Вот и Фома, когда отступали наши, спрятался в погребе, а потом полицаем к немцам устроился и гордо заявлял односельчанам, что «дураки только воевать пошли». Приходил после с фашистами, как и Иван, по сараям шастал, дровинки в поленнице перебирал-пересчитывал: всё зерно искал. Знал, что последнее ищет - трое детей у Гарпены, кормить нечем, - но рыл так, как будто от этого полмешка горелой пшеницы, которую дети старшие из Томаровки со склада приволокли, не их жизни зависят, а его собственная. Зерна Фома не

сволочью по одним улицам ходит. И тем более горько, что не один он такой в селе оказался. Вот и Фома, когда отступали наши, спрятался в погребе, а потом полицаем к немцам устроился и гордо заявлял односельчанам, что «дураки только воевать пошли». Приходил после с фашистами, как и Иван, по сараям шастал, дровинки в поленнице перебирал-пересчитывал: всё зерно искал. Знал, что последнее ищет - трое детей у Гарпены, кормить нечем, - но рыл так, как будто от этого полмешка горелой пшеницы, которую дети старшие из Томаровки со склада приволокли, не их жизни зависят, а его собственная. Зерна Фома не нашёл. Унёс валенки мужа. Не выдержала тогда Гарпеша:

- Фома, Фома, что ж ты делаешь... Видел бы Николай!

- Сиди, Гарпена, не гавкай. Дураки только воевать пошли!

А ещё один из местных полицаев - Павел запахал бабушкин огород за речкой под немецкие огурцы, хотя места свободно-го вокруг много было, и без её огорода хватало: распахивай и

сей, хоть огурцы, хоть просо, хоть ещё что... Прибежала тогда бабушка Гарпеша, плачет, был огород - нет огорода, ещё и проклюнуться то толком ничего не успело... Только перья недавно взошедшего лука кое-где зелёными былиночками по пахоте валяются...

Почему же я всегда думала, что уж после войны той разберутся со всей этой сволочью: кого к стенке, кого в края не столь отдалённые. Так получается, нет, не разобрались? Получается, жили они после войны, как и все, выходили в праздник на лавочке за воротами посидеть, нагло смотрели в глаза своим односельчанам... Прямо смотрели, без тени стыда на лице, с чувством собственного превосходства, так же, как смотрит на меня со старой фотографии Иван Курухан.

- Неужели правда? - спрашиваю я у Кати, и так хочется услышать, что это - случайность, исключение из правил, какая-то нелепая ошибка.

- Правда, - говорит Катя. - Вызывали после войны баб в сельский совет, спрашивали, и бабушку спрашивали и про Павла, и про Ивана, и про Фому, и про других полицаев спрашивали... Ничего не говорили бабы, потому что боялись - за себя боялись, за детей своих: в одном селе жить, задумает отомстить - прятаться некуда. Только если у кого совсем уже зла накопилось - не сдержат, или если терять кому нечего было... А потому лишь пара человек за своё и отсидели...

- Да ты не удивляйся-то так, - говорит Катя, - они ж не просто жили после войны, они ж ещё практически и в начальстве ходили. Иван Курухан, например, после войны работал объездчиком, строгий был - пучка травы корове украсть не даст. Павел работал бухгалтером - так и не посадили паразита...

Кажется, ко всему мы уже в жизни привыкли: ко лжи и обману, к предательству и подлости, и к несправедливости тоже привыкли. В наше ли время этому удивляться?! Так почему так бьётся сердце, когда я смотрю на эту старую фотографию? Да, наверное, потому, что вижу я там не просто своих односельчан. Я вижу крепко сжатые губы предателя и подлеца. Он держится прямо и смотрит не отводя глаз, уверенно и высокомерно, не чувствуя за собой совершенно никакой вины... Я вижу рядом с ним опирающегося на костыль человека, честно прожившего свою жизнь, защищавшего свою Родину, дважды, рискуя жизнью, бежавшего из плена, раненого в боях за родную землю. Почему же он, победитель, защитник, не смотрит таким гордым взглядом на своих односельчан, как Иван Курухан? И я вижу сгорбленную фигурку своей бабушки, муж которой погиб в первые же месяцы войны, погиб, как и жил, за чужие спины не прячась, в погребах не отсиживаясь. И в глазах своей бабушки, глубоких и горьких, как тысячи женских глаз послевоенной поры, я вижу не просто затаённую боль, я вижу тоску и неверие. Неверие в то, что на свете существует хоть какая-то справедливость...

И я снова и снова задаю себе один и тот же вопрос: «Как же так?!...»

Лилия ЕСИНА.
с. Серетино.